



Развод.
*Я беременна
от бывшего ♡*

В И О Л Е Т Т А В Е С Н А

Виолетта Весна

Развод. Я беременна от бывшего

«Автор»

2026

Весна В.

Развод. Я беременна от бывшего / В. Весна — «Автор», 2026

В день развода Вера подписывает документы и уходит от Артема Орлова — холодного, богатого мужа, рядом с которым три года чувствовала себя лишней в собственном браке. Она не берет его деньги. Не принимает квартиру. Не хочет больше быть удобной женой, которая молчит, терпит и ждет любви по расписанию. А вечером узнает, что беременна. Теперь Вера должна защитить не только себя, но и ребенка. От чужого контроля, властной семьи Орловых, бывшей невесты Артема и самого Артема, который привык решать все деньгами, юристами и приказами. Только он не готов отпустить ее окончательно. Артем узнает о беременности и впервые сталкивается с тем, что его власть больше не работает. Чтобы быть рядом с Верой и ребенком, ему придется научиться не приказывать, а спрашивать. Не покупать заботу, а быть рядом. Не возвращать старый брак, а заслуживать шанс на новый. Она ушла не потому, что разлюбила. Она ушла потому, что слишком долго любила одна.

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Развод по расписанию	5
ГЛАВА 2. Две полоски после точки	15
ГЛАВА 3. Бывшие не звонят по ночам	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Виолетта Весна

Развод. Я беременна от бывшего

ГЛАВА 1. Развод по расписанию

Я приехала к зданию юридической компании за двенадцать минут до назначенного времени.

Можно было бы выйти позже. Можно было бы посидеть в машине, досчитать до десяти, поправить помаду, убедить себя, что я готова. Но я уже три года занималась именно этим — убеждала себя, что готова жить в браке, где меня не слышат.

Сегодня я устала притворяться.

Водитель остановил у главного входа. Мягко, аккуратно, как делал всегда. В семье Орловых даже машины будто знали: лишний шум недопустим.

За стеклом моросил мелкий майский дождь. Люди торопились под козырек бизнес-центра, раскрывали зонты, говорили по телефонам. У всех были свои дела. У кого-то встреча, у кого-то отчет, у кого-то кофе перед работой.

А у меня — развод.

— Подождать вас, Вера Андреевна? — спросил Сергей, наш водитель, глядя на меня через зеркало.

Я задержала пальцы на ручке сумки.

Сумка была дорогая. Слишком дорогая для женщины, которая сейчас собиралась отказаться от большей части того, что ей оставлял бывший муж. Артем подарил ее мне на последнюю годовщину. Самого Артема за ужином не было. Курьер привез коробку, в коробке лежала сумка, а в открытке — короткое: «С уважением, А. О.»

С уважением.

Три года брака, и даже на годовщину — с уважением.

— Нет, Сергей, — сказала я. — Можете ехать.

Он чуть нахмурился.

— Артем Игоревич просил...

— Я знаю, — перебила я мягко. — Но больше не нужно.

Сергей замолчал. Не потому что согласился. Просто он слишком давно работал на Артема и привык не спорить с решениями семьи Орловых. Даже если эти решения касались меня.

Я открыла дверь сама.

Холодный воздух сразу ударил в лицо. Дождь лег на волосы, на щеки, на ворот пальто. До входа было всего несколько метров, но я почему-то не стала доставать зонт. Хотелось почувствовать хоть что-то живое. Пусть даже мокрый асфальт, прохладу и неприятный комок в горле.

В холле было тепло и сухо. Мраморный пол блестел, ресепшен сиял, девушка за стойкой улыбалась так ровно, будто улыбка входила в дресс-код.

— Вера Андреевна Орлова? — уточнила она.

Я едва заметно вздрогнула от фамилии.

Орлова.

Пока еще.

— Да.

— Вас уже ждут.

Артем никогда не опаздывал на сделки.

Лифт поднял меня на двадцать третий этаж. Я смотрела на свое отражение в зеркальной стене и пыталась понять, похожа ли я на женщину, которая пришла поставить точку.

Темно-синее платье. Пальто цвета мокрого песка. Волосы собраны низко, чтобы выглядеть спокойно и аккуратно. Никакой яркой помады. Никаких следов бессонной ночи, если не всматриваться в глаза.

Я выглядела достойно.

А внутри у меня все было так тонко натянуто, что хватило бы одного слова, чтобы порвалось.

Двери лифта открылись.

В приемной юридической компании пахло кожей, свежей бумагой и кофе. Секретарь поднялась мне навстречу.

— Проходите, пожалуйста. Все уже в переговорной.

Все.

Хорошее слово для развода.

Я прошла по коридору и остановилась на секунду перед стеклянной дверью. За ней виднелся длинный стол, папки с документами, серый город за окнами и Артем.

Он стоял у окна.

Высокий, прямой, в темном костюме, который сидел на нем безупречно. Белая рубашка, серый галстук, волосы чуть темнее обычного — наверное, тоже попал под дождь. Он не смотрел в телефон, не разговаривал с юристом, не делал ничего лишнего.

Просто стоял.

И все равно занимал собой комнату.

Когда-то мне казалось, что в этой его сдержанности есть сила. Что рядом с таким мужчиной можно не бояться жизни. Что он молчит не потому, что ему нечего мне сказать, а потому что важные люди не разбрасываются словами.

Я многое оправдывала.

Слишком многое.

Артем повернулся, когда я вошла.

— Вера.

Без «здравствуй». Без «как ты». Без попытки подойти.

Просто мое имя. Ровно, спокойно, почти официально.

— Артем, — ответила я.

За столом сидел Денис Корнеев, его юрист. Сухой, собранный мужчина с аккуратной бородой и глазами человека, который давно привык оформлять чужие катастрофы правильными формулировками. Рядом была нотариус.

— Вера Андреевна, добрый день, — Денис поднялся. — Присаживайтесь. Мы подготовили финальную редакцию соглашения. Все изменения внесены.

Я села напротив Артема.

Не рядом. Не по диагонали, как раньше на семейных ужинах. Напротив.

Как другая сторона.

Артем тоже сел. Положил телефон экраном вниз. На его безымянном пальце все еще было кольцо.

Я увидела его случайно. Вернее, не случайно. Я все равно искала глазами эту деталь, хотя заранее ненавидела себя за это.

Он кольцо не снял.

Может, забыл. Может, не придавал значения. Может, для него это было просто частью статуса, пока документы не доведены до конца.

На моей руке кольца уже не было.

Я сняла его утром. Не бросила, не швырнула, не спрятала в карман пальто, чтобы передумать в последнюю секунду. Просто положила в бархатную коробочку и закрыла крышку.

Тихо.

Как и жила последние месяцы.

Денис разложил документы.

— Итак, по имущественной части Артем Игоревич сохраняет за вами квартиру на Пречистенской набережной, автомобиль, а также единовременную выплату. Сумма указана на третьей странице. Дополнительно медицинская страховка премиального уровня будет оплачена на ближайшие три года. При необходимости можно также включить пункт о содержании персонального водителя на переходный период.

Я слушала и чувствовала, как внутри поднимается неприятная тошнота. Не физическая даже — человеческая.

Квартира. Машина. Выплата. Страховка. Водитель.

Все, кроме одного вопроса: «Вера, ты правда хочешь уйти?»

— Не нужно, — сказала я.

Денис замолчал.

Артем поднял глаза.

— Что именно не нужно?

— Квартира. Машина. Выплата. Страховка. Водитель.

Юрист осторожно посмотрел на Артема.

— Вера Андреевна, эти условия уже согласованы. Они не ущемляют ваши интересы.

— Ущемляют.

Артем чуть наклонил голову.

— Объясни.

Вот это слово.

Объясни.

Я слышала его слишком часто.

Объясни, почему ты расстроилась. Объясни, почему тебе неприятно, что Кристина остается после ужина. Объясни, почему ты опять молчишь. Объясни, почему ты не хочешь ехать на прием.

Раньше я пыталась. Подбирала слова, сглаживала углы, боялась показаться истеричной, навязчивой, неблагодарной.

Сегодня мне больше не хотелось объяснять свою боль человеку, который три года называл ее эмоциями.

— Я не хочу выходить из брака с ощущением, что меня рассчитали по смете, — сказала я.

У Артема дернулась скула.

Совсем немного. Кто-то другой не заметил бы. А я заметила, потому что слишком долго изучала его лицо в поисках хоть какой-то реакции.

— Это не смета, — сказал он. — Это безопасность.

— Нет, Артем. Это компенсация.

Он молчал.

Я положила ладони на колени, чтобы не было видно, как дрожат пальцы.

— Я заберу только личные вещи и то, что принадлежало мне до брака. Остальное оставь себе.

— Ты понимаешь, от чего отказываешься?

— Да.

— Из гордости?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Из уважения к себе.

В комнате стало очень тихо.

Денис аккуратно переложил листы, словно звук бумаги мог спасти всех нас от неловкости.

Артем смотрел на меня так, будто впервые за долгое время не мог заранее просчитать мой ответ. Раньше он умел. Я сама научила его этому. Слишком часто соглашалась. Слишком часто делала вид, что мне достаточно его заботы в виде оплаченных счетов, водителей, врачей и молчаливого присутствия за ужином.

Я долго принимала контроль за любовь.

Потому что очень хотела быть любимой.

Нотариус начала объяснять порядок подписания. Ее голос был спокойным, вежливым, отработанным. Я слышала отдельные слова: добровольно, без принуждения, взаимные обязательства, отсутствие претензий.

Отсутствие претензий.

Мне захотелось рассмеяться.

Какие претензии можно вписать в документ?

Претензия первая: муж приходил домой поздно и пах чужими разговорами.

Претензия вторая: муж считал, что если жена не голодает и не мерзнет, значит, у нее нет причин плакать.

Претензия третья: в нашем доме слишком часто звучало имя Кристины.

Кристина Вяземская появилась в нашей жизни не резко. Она не ворвалась, не устроила скандал, не повисла на Артеме у меня на глазах.

Нет.

Такие женщины умеют иначе.

Сначала деловая встреча. Потом общий проект. Потом ужин «в узком кругу». Потом ее рука на плече Артема во время разговора. Потом фраза: «Ты ведь помнишь, как мы тогда...» — и пауза, рассчитанная на то, чтобы я почувствовала себя лишней.

Однажды на приеме я увидела, как она поправляет ему галстук.

Он не отстранился.

Может, ничего между ними и не было. Может, Артем правда считал это мелочью.

Но в тот момент я поняла: есть вещи, которые больнее измены. Например, когда твою боль видят и все равно не считают важной.

— Вера Андреевна?

Я вздрогнула.

Денис протягивал мне ручку.

Документы лежали передо мной. Черные строки на белой бумаге. Моя фамилия рядом с его. Даты. Пункты. Подписи.

Все аккуратно.

Все законно.

Все почти невыносимо.

Я взяла ручку.

Пальцы все-таки дрогнули.

Артем заметил. Его взгляд опустился к моей руке, потом поднялся к лицу.

И я вдруг подумала: сейчас.

Сейчас он может сказать хоть что-нибудь.

Не подписывай.

Давай поговорим.

Я не хочу так.

Даже простое «Вера» другим голосом могло бы разрушить всю мою решимость. И я ненавидела себя за то, что все еще ждала.

Артем молчал.

Я поставила подпись.

На первой странице. На второй. На третьей. Там, где показывал Денис. Там, где от меня требовалось перестать быть женой спокойно, грамотно, без лишних движений.

Когда документы перешли к Артему, я не смотрела.

Только услышала короткое движение ручки по бумаге.

Вот и все.

Три года брака закончились несколькими росчерками.

— Благодарю, — сказал Денис. — После регистрации всех процедур я направлю копии сторонам.

Сторонам.

Я поднялась.

Артем тоже.

— Я отвезу тебя, — сказал он.

Не спросил.

Сказал.

Я взяла сумку.

— Не надо.

— На улице дождь.

— Я заметила.

— Вера.

В этом имени наконец появилось что-то живое. Раздражение, усталость, беспокойство — я не знала. Раньше я бы начала искать в этом надежду. Вытаскивать из одного звука доказательство, что ему не все равно.

Сегодня не стала.

— Я вызову такси.

— Водитель ждет внизу.

— Я его отпустила.

Артем помолчал.

— Зачем?

Я посмотрела на него спокойно, хотя внутри все дрожало.

— Потому что больше не хочу жить по твоим распоряжениям.

Денис сделал вид, что занят документами. Нотариус отвела глаза.

Артем подошел ближе. Не вплотную, но достаточно, чтобы я почувствовала его парфюм. Холодный, древесный, дорогой. Этот запах был на его рубашках, на подушке, иногда на моих пальцах, если я поправляла ему воротник перед важной встречей.

— Мы можем обсудить это без демонстраций, — тихо сказал он.

Я почти улыбнулась.

— Развод?

— Твое поведение.

Вот так.

Не его молчание. Не Кристину. Не пустые ужины. Не три года, в которых я постепенно исчезала из собственной жизни.

Мое поведение.

— Мое поведение больше не твоя зона ответственности, — сказала я.

И вышла.

Коридор показался длиннее, чем утром. Я шла ровно, но меня мутило. Сначала слегка, потом сильнее. Я решила, что это нервы. Стресс. Кофе вместо завтрака. Дождь. Развод. Слишком много всего для одного утра.

У лифта стояла Кристина.

Я остановилась.

На ней был светлый костюм, идеально уложенные волосы и лицо женщины, которая всегда появляется вовремя, даже когда делает вид, что это случайность.

— Вера, — сказала она мягко. — Не ожидала вас здесь увидеть.

— А я вас — вполне.

Ее улыбка почти не изменилась.

— Тяжелый день?

— Освобождающий.

— Правда? — Кристина сделала шаг ближе. — Знаете, я всегда думала, что вам трудно в мире Артема. Не всем женщинам подходит такая жизнь.

Я нажала кнопку лифта.

— Вы специалист по жизни Артема?

— Когда-то была.

— Тогда вам должно быть известно, что он не любит опозданий. Вы ведь к нему?

— У нас деловая встреча.

— Конечно.

Кристина чуть наклонила голову. Ее голос стал ниже, почти сочувственным.

— Вера, без обид. Иногда нужно признать, что некоторые браки просто были ошибкой.

Меня снова затошнило. Я сжала ручку сумки так крепко, что заболели пальцы.

— Ошибкой было не выйти за него, Кристина.

Она приподняла брови.

— Нет?

— Ошибкой было слишком долго верить, что чужое молчание можно принять за любовь.

Двери лифта открылись.

Я вошла внутрь и нажала кнопку первого этажа. Кристина осталась в коридоре. Когда двери закрывались, ее лицо уже не было сочувственным.

В лифте я оперлась ладонью о стену.

Воздуха не хватало.

Я досчитала до десяти. Потом до двадцати. Не помогло. Внизу, в холле, запах кофе ударил слишком резко. Потом запах мокрой одежды. Потом чей-то сладкий парфюм.

Я почти выбежала на улицу.

Дождь стал сильнее. Капли били по лицу, стекали за воротник. Я отошла к краю ступеней и попыталась вдохнуть глубже. Перед глазами поплыли темные точки.

Телефон завибрировал в сумке.

Лада.

Я приняла вызов, но не успела ничего сказать.

— Ну что? — быстро спросила она. — Ты вышла? Он там? Ты плакала? Только не говори, что села к нему в машину.

— Лада...

— Что?

— Мне плохо.

Ее голос сразу изменился.

— Где ты?

— У входа.

— Стой там. Я рядом. Не садись ни к кому. Особенно если у этого кого-то фамилия Орлов.

Я хотела ответить, но меня снова скрутило. Я прикрыла рот ладонью и отвернулась к клумбе у ступеней. Желудок болезненно сжался, хотя с утра я почти ничего не ела.

Через несколько минут к тротуару резко подъехала маленькая красная машина Лады. Она выскочила без зонта, в ярком плаще, с волосами, собранными кое-как.

— Господи, Вера.

Она подхватила меня под руку.

— Ты белая как стена. Он что тебе сказал?

— Ничего.

— Конечно. Это у него лучше всего получается.

Она усадила меня на пассажирское сиденье, включила обогрев и достала из бардачка салфетки.

— Дыши. Медленно. Вдох, выдох. Только не геройствуй, ладно? Развелась уже, можешь официально быть человеком.

Я попыталась улыбнуться, но не смогла.

— Отвези меня к себе.

— Не к маме?

— Не хочу ее пугать.

— Хорошо. Но если станет хуже, едем к врачу.

— Это нервы.

— Угу. Нервы, развод, дождь, бывший муж с лицом гранитной плиты и его прекрасная Кристина в коридоре.

Я повернула голову.

— Ты видела Кристину?

— Я видела, как она заходила в здание почти сразу после тебя. И сразу поняла, что случайность снова на каблуках.

Машина тронулась.

Я смотрела в окно. Город размазывался дождем. Люди шли под зонтами, автобусы выпускали облака выхлопа, светофоры отражались в лужах.

Все продолжалось.

Никто не знал, что у меня внутри только что закончилась целая жизнь.

— Ты не передумала? — спросила Лада тише.

— Нет.

— Даже если он вдруг придет с цветами, кольцом и лицом страдающего миллиардера?

Я закрыла глаза.

— Он не придет.

— Ну да. Он скорее пришлет юриста с букетом по доверенности.

Я почти рассмеялась, но меня снова замутило.

Лада заметила.

— Так. Это уже не просто нервы.

— Я не ела.

— Что именно?

— Кофе.

— Вера!

— Я не смогла.

— Конечно не смогла. У тебя сегодня развод по расписанию, завтрак в свободное окно не попал.

Она привезла меня в свою цветочную студию и сразу повесила на дверь табличку «перерыв». Внутри пахло розами, влажной зеленью и свежей упаковочной бумагой. Обычно этот запах меня успокаивал. Сегодня от него стало еще хуже.

Лада провела меня в маленькую комнату за залом. Там стоял диван, узкий стол, чайник, коробки с лентами и кружка, в которой она обычно забывала недопитый кофе.

Я села на диван и сняла пальто.

— Воду, — сказала Лада и сунула мне стакан. — Маленькими глотками.

Я послушалась.

Она села рядом и внимательно посмотрела на меня.

Слишком внимательно.

— Что? — спросила я.

— Только не злись.

— Уже поздно.

— У тебя задержки нет?

Я замерла.

Слово дошло до меня не сразу.

Задержка.

Я мысленно попыталась вспомнить последние недели. Развод. Сбор вещей. Разговоры с мамой. Документы. Бессонные ночи. Прием, после которого я окончательно решила уйти. И та ночь с Артемом.

Редкая. Почти невозможная.

Он тогда вернулся поздно, сел рядом на край кровати и долго молчал. Я думала, что он наконец скажет что-то важное. Что попросит не уходить. Что объяснит хотя бы что-нибудь.

Он не сказал.

Просто коснулся моих волос так осторожно, будто боялся, что я исчезну.

Утром его уже не было. На кухонном столе лежала записка: «Совещание. Вернусь поздно».

И я поняла, что больше не могу.

— Вера? — позвала Лада.

— Я не считала, — сказала я.

Подруга встала.

— Я сейчас вернусь.

— Куда?

— В аптеку.

— Не надо.

— Надо.

— Лада, я только что развелась.

— Вот именно. Давай хотя бы узнаем, что происходит с твоим организмом, прежде чем будем делать вид, что он тоже подписал соглашение о расторжении брака.

Я хотела возразить, но не нашла сил.

Она вернулась через десять минут. Положила на стол пакет из аптеки.

— Я купила три. Разных. Чтобы ты не сказала, что один мог ошибиться.

— Ты очень деликатная.

— У меня деликатность закончилась на невесте, которая сегодня плакала из-за оттенка пионов. На тебя осталась любовь и здравый смысл.

Я взяла коробку.

В ванной студии было тесно и чисто. На полке стоял крем для рук, маленькая вазочка с сухоцветами и запасные полотенца. Я закрыла дверь и несколько секунд просто стояла, прижимая коробку к груди.

Нет.

Только не сейчас.

Не в день развода.

Не после его подписи.

Не после того, как он смотрел на меня через стол так, будто между нами уже ничего не осталось.

Я сделала тест почти механически. Положила его на край раковины, вымыла руки и подняла глаза на зеркало.

Лицо бледное. Губы без цвета. Волосы выбились из узла. Женщина после развода. Женщина, которая должна начать новую жизнь.

Я опустила взгляд.

Одна полоска появилась быстро.

Я выдохнула.

А потом рядом с ней проступила вторая.

Сначала слабая. Почти незаметная. Потом четче.

Я не двигалась.

Ничего не произошло. Не закружилась комната, не погас свет, не случилось никакого страшного киношного момента. Просто я стояла в маленькой ванной цветочной студии и смотрела на две полоски.

Две полоски после точки.

За дверью Лада тихо спросила:

— Вера?

Я не ответила.

Пальцы сами легли на живот. Осторожно. Почти виновато.

Там еще ничего не было видно. То же платье, та же талия, та же я.

Но уже не та же.

Ребенок.

От Артема.

От моего бывшего мужа, который сегодня подписал развод и предложил оставить мне машину с водителем.

От мужчины, которого я любила слишком долго. И слишком одна.

— Вера, открой, пожалуйста, — сказала Лада.

Я открыла дверь.

Она посмотрела на мое лицо, потом на тест в моей руке. Все поняла сразу. Подошла и обняла меня крепко, без слов.

И только тогда я заплакала.

Не красиво. Не громко. Просто слезы пошли сами. Горячие, злые, беспомощные. Лада держала меня, гладила по спине и повторяла:

— Я рядом. Слышишь? Я рядом.

Я сжала тест в руке.

— Он не должен узнать.

Лада отстранилась.

— Сейчас не надо принимать такие решения.

— Надо.

— Вера...

— Ты не понимаешь. Если Артем узнает, все будет не только между нами. Будет его мать.

Его юристы. Его люди. Его правила. Они даже заботу умеют превращать в контроль.

— Это и его ребенок тоже, — тихо сказала она.

Я закрыла глаза.

— Я знаю.

И именно это было страшнее всего.

Потому что Артем имел право знать.

Но я боялась, что вместе с правом знать он сразу возьмет себе право решать.

За меня.

За ребенка.

За нашу жизнь.

Как всегда.

В комнате завибрировал мой телефон. Один раз. Потом второй.

Лада вышла, взяла его со стола и вернулась с изменившимся лицом.

— Это он.

Я не шевельнулась.

— Не отвечай.

— Сообщение.

Она протянула мне телефон.

На экране было короткое:

«Водитель будет у студии через двадцать минут. Не спорь».

Я смотрела на эти слова.

Не «как ты». Не «ты доехала?». Не «мне жаль».

Приказ.

Даже теперь.

Я вытерла слезы ладонью, взяла телефон и напечатала ответ:

«Больше не присылай за мной людей. Я не твоя жена».

Палец завис над кнопкой отправки.

Я опустила взгляд на свой живот. На место, где еще ничего не было видно, но уже изменилась вся моя жизнь.

Потом нажала «отправить».

Лада молчала рядом.

А я положила ладонь на живот и впервые за этот день сказала не Артему, не Кристине, не юристам и не самой себе прежней:

— Я тебя защищу.

За окном шел дождь. В цветочной студии пахло мокрыми стеблями, розами и холодным кофе. На столе лежали три аптечных теста, мой телефон и салфетки, которыми Лада торопливо вытирала воду с пола после наших мокрых следов.

Никакой красивой новой жизни у меня пока не было.

Был развод.

Был бывший муж, который привык распоряжаться даже после подписи.

Была я — испуганная, уставшая, с красными глазами.

И был ребенок.

Наш ребенок.

Только Артем Орлов об этом еще не знал.

ГЛАВА 2. Две полоски после точки

Я сидела на старом диване в подсобке цветочной студии и смотрела на тест, лежащий на столе рядом с моим телефоном.

Две полоски не исчезали.

Я почему-то ждала, что они побледнеют, растворятся, окажутся ошибкой из-за стресса, дождя, развода, кофе вместо завтрака. Но вторая полоска была на месте. Тонкая, розовая, упрямая.

Как будто ей было все равно, что моя жизнь только что развалилась по документам.

Лада стояла у чайника и пыталась делать вид, что занята делом. Она сняла плащ, переобулась в мягкие тапки и уже третий раз открывала один и тот же шкафчик.

— Лада.

Она обернулась.

— Что?

— Ты ищешь чашки в шкафу с лентами.

— Ага, — сказала она и закрыла дверцу. — Значит, я спокойна как удав.

Я хотела улыбнуться. Не получилось.

В голове было пусто и шумно одновременно. Я не могла собрать ни одной нормальной мысли. Только одно и то же, по кругу: беременна, от Артема, после развода, что теперь.

Лада поставила передо мной кружку с теплой водой. Не чай, не кофе, просто вода.

— Пей.

— Не могу.

— Маленький глоток.

Я послушалась. Вода показалась безвкусной и тяжелой. Желудок снова неприятно сжался, но уже не так резко.

— Нужно сделать еще один, — сказала я.

— Тест?

— Да.

— Сделаем. Только не прямо сейчас. Дай себе пять минут.

— А если ошибка?

Лада села рядом. Ее обычно живое лицо стало серьезным, почти взрослым. Я редко видела ее такой. Обычно она шутила, даже когда было плохо. Особенно когда было плохо.

— Вера, я купила три разных теста не потому, что люблю аптечные коллекции. Сделаем все. Потом запишемся к врачу. Нормальному, не к кому попало. Но ты сама понимаешь...

— Нет, — перебила я. — Я ничего не понимаю.

И это была правда.

Я не понимала, как можно утром подписать развод, а через час узнать, что внутри тебя начинается чья-то жизнь.

Я не понимала, почему именно сейчас.

Я не понимала, как мне быть матерью, если я только что перестала быть женой.

И больше всего я не понимала, что делать с Артемом.

Телефон на столе молчал.

После моего сообщения он не ответил. Это было на него похоже. Артем не любил выяснять отношения в переписке. Он предпочитал либо молчать, либо появляться лично, когда считал нужным. Без предупреждения. Без вопроса, удобно ли мне.

Я смотрела на экран и ловила себя на мерзкой, слабой мысли: а вдруг он все-таки спросит, что случилось?

Просто спросит.

Не прикажет. Не пришлет водителя. Не скажет Денису Корнееву оформить очередной пункт. Спросит: «Вера, тебе плохо?»

Телефон молчал.

И правильно делал.

Мне нужно было наконец привыкнуть к тишине без ожидания.

— Я сделаю второй, — сказала я и потянулась к аптечному пакету.

Лада накрыла мою руку своей.

— Сначала сядь нормально. Ты вся дрожишь.

— Я нормально.

— Вера.

— Если я сейчас сяду и начну дышать, я расплачусь.

— Ну и расплачься.

— Я уже плакала.

— У тебя сегодня лимит не установлен.

Эта фраза почему-то пробила сильнее, чем сочувствие. Я закрыла лицо ладонями и тихо выдохнула. Слез уже не было. Осталась только усталость. Такая плотная, будто я несколько суток несла что-то тяжелое и только теперь поняла, что руки больше не держат.

Лада пересела ближе.

— Слушай меня. Прямо сейчас мы ничего глобального не решаем. Ни про Артема, ни про Орловых, ни про будущее. Сейчас ты просто дышишь, пьешь воду и делаешь второй тест. Потом третий. Потом врач. Все.

— А если подтвердится?

— Тогда будем думать дальше.

— Я не могу ему сказать.

Лада помолчала.

— Сейчас ты так чувствуешь. Я понимаю почему.

— Нет, ты не понимаешь.

Слова вышли резче, чем я хотела.

Лада не обиделась. Только кивнула.

— Наверное, не до конца. Я не была женой Артема Орлова.

Я опустила руки и посмотрела на нее.

— Он не плохой так, как любят показывать в сериалах. Он не кричит. Не бьет посуду. Не унижает открыто. Он даже голос почти никогда не повышает. И из-за этого долго кажется, что ты сама виновата, если тебе больно.

Лада слушала молча.

— Он заботится. Правда заботится. Только его забота выглядит так, будто тебе выдали правила пользования собственной жизнью. Врач — этот. Машина — эта. Дом — здесь. На прием — со мной. С Кристиной — не обсуждать, потому что это бизнес. Молчать — удобно. Улыбаться — правильно. Не плакать — желательно.

Я сглотнула.

— Если он узнает о ребенке, он решит, что теперь имеет право все организовать. Лучших врачей, лучшую клинику, охрану, документы, отдельный дом. Он назовет это безопасностью. А я снова окажусь внутри его решений. Только теперь не одна.

Лада долго смотрела на меня.

— Ты боишься, что он заберет у тебя ребенка?

Я закрыла глаза.

— Я боюсь, что он заберет у меня право быть мамой по-своему.

После этой фразы стало совсем тихо.

За стеной студии кто-то дернул дверь, но она была закрыта на перерыв. Потом зазвонил маленький колокольчик, и снова все стихло. Где-то в торговом зале капала вода со стеблей в ведро. Обычные звуки. Живые. От них становилось чуть легче.

— Сделаем второй, — сказала Лада. — А потом я позвоню знакомой гинекологу. Без фамилии Орлова, без лишних вопросов.

Я кивнула.

Второй тест показал две полоски быстрее первого.

Третий — тоже.

Я стояла в ванной, потом сидела на закрытой крышке унитаза и смотрела на три пластиковые полоски на краю раковины. В какой-то момент мне стало странно спокойно. Не хорошо. Не радостно. Просто внутри будто выключили лишний шум.

Три теста.

Три ответа.

Я беременна.

Когда я вышла, Лада уже говорила по телефону.

— Да, сегодня. Если можно, без записи через ресепшен. Нет, не срочно в смысле угрозы, просто ситуация сложная. Да, моя близкая подруга. Спасибо, Ань. Очень выручишь.

Она отключилась и посмотрела на меня.

— Сегодня в шесть. Частная клиника на Садовой. Врач нормальная, я ее знаю через сестру. Спокойная, без этих «ой, мамочка, поздравляю» в лоб.

Я кивнула.

— Спасибо.

— Не благодари. Лучше скажи, ты домой к маме или ко мне?

— К тебе нельзя. У тебя работа.

— У меня цветы. Они переживут драму.

— Я к маме не могу.

— Почему?

Я посмотрела на тесты, которые все еще держала в руке.

— Она сразу поймет.

— И что?

— Она испугается.

— Конечно испугается. Она мама.

— Я не хочу, чтобы она смотрела на меня так, будто меня надо спасти.

Лада мягко взяла у меня тесты и завернула их в салфетку.

— А тебя не надо?

Я не ответила.

Потому что не знала.

Может, надо. Только я больше не хотела, чтобы меня спасали так, как спасал Артем: без вопроса, без согласия, без понимания, что спасение тоже может быть клеткой.

Я забрала телефон со стола. От Артема все еще не было ответа.

Зато было сообщение от Дениса Корнеева.

«Вера Андреевна, добрый день. Подтверждаю, что документы приняты в работу. По пункту имущественного отказа потребуется ваше дополнительное письменное подтверждение. Готов подъехать завтра в удобное для вас время».

Я прочитала дважды.

Даже после развода они продолжали подъезжать в удобное для меня время, не спрашивая, хочу ли я вообще кого-то видеть.

— Что там? — спросила Лада.

— Юрист. Нужно подтвердить отказ от денег.

— А если не отказываться?

Я подняла на нее глаза.

— Ты серьезно?

— Вера, я не про то, чтобы взять все и купить золотую ванну. Просто у тебя сейчас другая ситуация. Квартира, деньги, страховка...

— Нет.

— Подумай.

— Нет, Лада.

Она подняла руки.

— Ладно. Не давяю. Но хотя бы не принимай все решения сегодня.

— Я не хочу от него ничего.

— Ты уже носишь от него ребенка.

Фраза была негромкая, но ударила точно.

Я отвернулась к окну. В стекле отражались ведра с цветами, мой силуэт в темном платье и Лада за спиной.

— Прости, — сказала она. — Я не хотела жестко.

— Зато честно.

Я сама думала об этом.

Можно сколько угодно писать бывшему мужу «я не твоя жена», отказываться от машины, денег и водителя, но факт оставался фактом: во мне был его ребенок. Не только мой. Не только его. Наш.

От этого становилось страшно.

И странно тепло.

Я не хотела этого тепла. Не сейчас. Оно казалось предательством. Будто какая-то часть меня уже любила будущего ребенка, а вместе с ним снова была связана с Артемом крепче, чем любые документы.

Телефон вдруг завибрировал.

Артем.

Не сообщение. Звонок.

Я застыла.

Лада посмотрела на экран и тихо выругалась.

— Не бери, если не хочешь.

Звонок продолжался.

Я держала телефон в руке и смотрела на его имя.

Артем Орлов.

Мой бывший муж.

Мужчина, который сегодня подписал развод без единой попытки меня остановить.

Отец ребенка, о котором он не знал.

— Я не могу, — прошептала я.

— Тогда не надо.

Звонок оборвался.

Через несколько секунд пришло сообщение.

«Где ты?»

Я усмехнулась.

Не «что с тобой». Не «почему тебе плохо». Просто «где ты».

В этом весь Артем.

Я не ответила.

Следующее сообщение пришло почти сразу.

«Сергей сказал, что ты отказалась от машины. Лада забрала тебя?»

Я подняла глаза на подругу.

— Он знает, что ты меня забрала.

Лада закатила глаза.

— Конечно знает. У него, наверное, даже голуби в центре города на зарплате.

Я бы улыбнулась, если бы не было так тревожно.

Еще одно сообщение.

«Вера, ответь».

Я набрала: «Я в порядке».

Стерла.

Набрала: «Не твое дело».

Стерла.

Пальцы зависли над экраном.

В итоге я написала:

«Со мной Лада. Все нормально».

Ответ пришел быстро.

«Я приеду».

Я почувствовала, как холодеют ладони.

Нет.

Только не сейчас.

Не когда на столе лежат тесты, завернутые в салфетку. Не когда я сама еще не поняла, как дышать с этой правдой. Не когда одно его появление может выбить из меня все остатки спокойствия.

Я быстро напечатала:

«Не приезжай».

Он ответил:

«Почему?»

Я закрыла глаза.

Потому что я беременна.

Потому что боюсь тебя.

Потому что люблю тебя до сих пор, а это хуже всего.

Потому что если ты сейчас войдешь, я могу не выдержать и сказать правду.

Я написала только:

«Потому что я так сказала».

Лада прочитала через мое плечо и тихо присвистнула.

— Сильно.

— Глупо.

— Нет. Для тебя — сильно.

Артем больше не ответил.

Но я знала: молчание не означает, что он согласился. У Артема молчание часто было началом действия.

Я встала.

— Мне нужно забрать вещи.

— Из дома?

— Нет. Оттуда я уже почти все вывезла. Осталось несколько коробок у мамы. Я возьму документы, одежду и поеду к врачу.

— Я с тобой.

— У тебя работа.

— Вера, если ты еще раз скажешь мне про работу, я сделаю букет из твоих тестов и поставлю на витрину как символ женской упертости.

— Очень продающий образ.

— Зато честный.

Я впервые за это утро почти нормально улыбнулась.

Мы собрали мои вещи быстро. Лада закрыла студию на помощницу, сунула мне в сумку бутылку воды, крекеры и какие-то мятные леденцы.

— От тошноты, — объяснила она. — Не знаю, можно ли беременным, поэтому просто понохаешь упаковку и почувствуешь мою заботу.

— Спасибо.

— Не за что. Я нервничаю, поэтому буду нести ерунду. Привыкай.

Мы вышли через служебную дверь, чтобы не встретить клиентов. На улице дождь почти закончился. Асфальт блестел, машины проезжали медленно, в воздухе пахло мокрой пылью и липами.

Я села в машину Лады и только тогда заметила черный внедорожник у противоположного тротуара.

Не машина Артема. Одна из его служебных.

Сергей стоял рядом, держа в руке зонт. Увидев меня, он сразу выпрямился.

Лада тоже заметила.

— Seriously? — сказала она. — Он все-таки прислал водителя?

Я сжала ремень безопасности.

Сергей подошел ближе, но не слишком. Он был смущен и явно чувствовал себя виноватым.

— Вера Андреевна, Артем Игоревич просил убедиться, что с вами все в порядке.

— Со мной все в порядке, Сергей.

— Он сказал, если вам нужно в больницу...

Я резко посмотрела на него.

— Почему в больницу?

Сергей растерялся.

— Вы плохо себя чувствовали у офиса. Я сообщил Артему Игоревичу.

Я сама отпустила водителя, но осталась в мире, где обо мне все равно докладывали.

— Передайте Артему Игоревичу, что я не нуждаюсь в сопровождении.

— Вера Андреевна, я не могу уехать, пока...

— Можете, — перебила я. — И должны. Потому что я больше не жена вашего работодателя.

Сергей побледнел.

Мне стало его жалко. Он не заслуживал моей злости. Но если я сейчас уступлю хотя бы в этом, дальше будет только хуже.

Я смягчила голос.

— Сергей, правда. Спасибо вам. Но не надо ехать за нами.

Он помолчал. Потом кивнул и отступил.

Лада завела машину.

— Я сейчас скажу неприятное.

— Говори.

— Он не оставит тебя в покое.

Я смотрела на мокрое окно, на расплывающиеся отражения домов.

— Знаю.

— И ты все равно не скажешь ему?

Я положила ладонь на живот. Получилось само. Теперь я постоянно ловила себя на этом движении.

— Пока нет.

— Почему именно пока?

Я не сразу ответила.

Потому что я не хотела лгать себе до конца. Артем должен узнать. Когда-нибудь. Не от юристов, не от слухов, не от случайного чека из аптеки. От меня.

Но не сегодня.

Сегодня я еще была слишком слабой. Сегодня я могла перепутать страх с разумом, любовь с надеждой, его приказной тон с заботой.

Сегодня мне нужно было сначала услышать врача.

— Потому что сначала я должна понять, что с ребенком все хорошо, — сказала я. — А потом уже думать, как сказать Артему.

Лада кивнула.

— Это честно.

— Не совсем.

— Зато по-человечески.

Мы заехали к маме ненадолго. Я сказала, что устала после встречи с юристами и хочу взять пару вещей. Мама открыла дверь почти сразу, будто ждала меня у порога.

Нина Соколова была маленькой, теплой женщиной с усталыми глазами и руками, которые всегда пахли кремом, яблоками или тестом. Когда я вошла, она обняла меня так крепко, что я едва не разрыдалась прямо в прихожей.

— Все? — спросила она тихо.

Я кивнула.

— Все.

Мама отстранилась и посмотрела на мое лицо.

— Ты бледная.

— Не ела.

— Вера.

— Мам, пожалуйста. Не сейчас.

Она сразу замолчала. Это было в ней самым драгоценным: она умела остановиться. Не добивать вопросами. Не лезть туда, где у меня еще не было сил говорить.

— Я суп разогрею, — сказала она.

От одного слова «суп» меня снова затошнило.

Я отвернулась, сделав вид, что снимаю шарф.

Мама заметила. Конечно заметила.

— Тебе плохо?

— Немного. Нервничаю.

Она коснулась моего лба.

— Температуры нет. Может, давление?

— Наверное.

Из комнаты вышел Павел, мой старший брат. Врач, человек с вечными темными кругами под глазами и привычкой видеть диагнозы там, где другие видели просто усталость.

— Что «наверное»? — спросил он.

Я закрыла глаза на секунду.

Вот кого мне сейчас не хватало для полного счастья. Брата-врача.

— Паш, я не на приеме.

— А выглядишь так, будто зря.

Лада кашлянула в кулак и отвернулась. Предательница.

Павел посмотрел сначала на нее, потом на меня.

— Что происходит?

— Развод, — сказала я.

— Развод не дает такой тошноты.

Я замерла.

Он понял не все. Еще нет. Но его взгляд стал внимательнее. Слишком внимательным.

— Я просто устала.

Павел сложил руки на груди.

— Вера.

Я почувствовала, как внутри поднимается паника. Мама смотрела то на меня, то на него.

Я не была готова сказать им. Не сейчас. Не в прихожей, среди мокрых зонтов, сумок и маминого запаха супа с кухни.

— Мне нужно переодеться, — сказала я. — Потом поговорим.

Павел хотел возразить, но мама тихо положила ему руку на локоть.

— Пусть выдохнет.

Я была благодарна ей так сильно, что опять едва не заплакала.

В своей старой комнате я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Здесь все было слишком знакомым: светлые обои, книжная полка, старый письменный стол, на котором я когда-то чертила первые эскизы интерьеров. После свадьбы мне казалось, что я ушла отсюда во взрослую счастливую жизнь.

Теперь я вернулась с разводом в сумке и тремя положительными тестами, завернутыми в салфетку.

Села на кровать и достала из нижнего ящика спортивную сумку. Положила туда джинсы, мягкий свитер, белье, документы, зарядку. Движения помогали не думать.

Телефон снова завибрировал.

Артем.

«Сергей сказал, ты у матери».

Я стиснула зубы.

Следом:

«Я приеду вечером. Нам нужно поговорить».

Я смотрела на экран и чувствовала, как во мне поднимается уже не страх, а злость.

Не спросил.

Решил.

Снова решил за меня.

Я напечатала:

«Нет. Не приезжай».

Он ответил через минуту:

«Вера, хватит вести себя как ребенок».

Фраза ударила так больно, что я даже не сразу вдохнула.

Как ребенок.

Я медленно положила телефон на кровать. Потом взяла снова и напечатала, стараясь не дрожать:

«Я не ребенок, Артем. И больше не твоя жена. Если мне понадобится разговор, я сама скажу».

Отправила.

В дверь тихо постучали.

— Вера? — голос мамы. — Можно?

Я быстро убрала телефон.

— Да.

Мама вошла и закрыла за собой дверь. В руках у нее была чашка с теплой водой и сухарь на маленькой тарелке.

— Я не с супом, — сказала она. — Не бойся.

И я вдруг разрыдалась.
Не из-за Артема. Не из-за тестов. Не из-за развода даже.
Из-за этой чашки. Из-за сухаря. Из-за того, что мама заметила, что меня тошнит, и не стала давить. Просто принесла то, что можно.
Она поставила чашку на стол и села рядом.
— Девочка моя, — тихо сказала она.
Я уткнулась лицом ей в плечо, как в детстве. Она гладила меня по волосам, не спрашивала, не торопила.
И я поняла, что больше не могу держать это в себе.
— Мам, — прошептала я. — Кажется, я беременна.
Ее рука замерла на моих волосах.
Я закрыла глаза.
Сейчас будет страх. Вопросы. «А Артем знает?» «Что ты будешь делать?» «Как же так?»
Но мама только крепче обняла меня.
— Точно?
— Три теста. К врачу сегодня вечером.
Она молчала несколько секунд. Потом тихо выдохнула.
— Господи.
— Я знаю.
— Нет, — сказала мама и отстранилась, чтобы посмотреть мне в лицо. В ее глазах были слезы. Но не ужас. — Я не про это. Я просто... ребенок.
Это слово она произнесла так бережно, что у меня внутри снова все дрогнуло.
Ребенок.
Не проблема. Не наследник. Не аргумент в разводе.
Ребенок.
Я заплакала сильнее.
— Я боюсь.
— Конечно боишься.
— Я не знаю, что делать.
— Сначала к врачу. Потом будем думать.
— Артем не знает.
Мама не изменилась в лице, но я увидела, как напряглись ее пальцы.
— Ты скажешь ему?
— Должна. Но не сейчас.
Она кивнула.
— Хорошо.
Я удивленно посмотрела на нее.
— Ты не будешь говорить, что я обязана прямо сегодня?
— Я могу думать, что отец ребенка имеет право знать. Но ты моя дочь. И если ты сейчас трясешься от одной мысли о разговоре с ним, значит, сначала надо сделать так, чтобы ты могла стоять на ногах.
Я закрыла лицо руками.
— Я не хочу лишать его ребенка.
— Я знаю.
— Но я боюсь его семьи. Его матери. Их юристов. Их денег.
— Я тоже, — честно сказала мама.
Эта честность почему-то помогла больше, чем любые обещания.
Дверь снова открылась. Павел вошел без стука, как всегда, но остановился на пороге, увидев наши лица.

— Что? — спросил он.

Мама посмотрела на меня.

Я вытерла щеки.

— Паш, я беременна.

Он замер.

Сначала я увидела в его глазах чистое удивление. Потом — тревогу. Потом злость. Не на меня. Я знала этот взгляд.

На Артема.

— Он знает? — спросил Павел.

— Нет.

— Хорошо.

— Паша.

— Что? Хорошо, что не знает. Пока мы не поймем, что у тебя по здоровью и какие у тебя планы, Орлову лучше держаться подальше.

— Это не только мое решение.

Павел прошел в комнату.

— Вера, я сейчас не как брат, который хочет набить кому-то лицо. Хотя хочу. Я как врач говорю: тебе нужен покой. А не Артем со своими людьми у подъезда.

— Он не плохой отец заранее.

— Он пока вообще не отец. Он бывший муж, после которого тебя тошнит и трясет.

— Меня тошнит не поэтому.

— Я понял.

И впервые за день я почти рассмеялась сквозь слезы. Павел тоже выдохнул и сел на край стола.

— Ладно. Врач сегодня?

— В шесть.

— Кто?

Я назвала фамилию, которую сказала Лада.

Павел кивнул.

— Нормальная. Я слышал. Поеду с тобой.

— Паш...

— Даже не начинай. Я не буду лезть, но отвезу. Или хотя бы поеду следом.

— Со мной Лада.

— Отлично. Будет две группы поддержки.

— Мне не нужна охрана.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Я не охрана. Я семья.

После этих слов я замолчала.

Потому что именно в этом была разница.

Артем присылал людей.

Павел ехал сам.

Мама принесла воду.

Лада купила тесты и не дала мне развалиться прямо на полу ванной.

Семья — это не когда за тебя решают. Это когда рядом, пока ты пытаешься решить сама.

Телефон на кровати снова завибрировал.

Я не хотела смотреть. Но посмотрела.

Артем.

«Я подъехал. Выйди».

У меня внутри все оборвалось.

Павел увидел мое лицо и протянул руку.

— Покажи.

— Не надо.

— Вера.

Я отдала ему телефон.

Он прочитал сообщение. Его лицо стало жестким.

— Вот видишь.

Мама поднялась.

— Он у дома?

Я подошла к окну.

Во дворе стоял черный автомобиль Артема. Не служебный внедорожник. Его личная машина. Сам он стоял рядом, без зонта, в темном пальто. Смотрел на подъезд.

Даже снизу он выглядел спокойным.

А у меня снова задрожали руки.

Павел встал рядом.

— Я выйду.

— Нет.

— Вера, тебе нельзя сейчас...

— Я сказала нет.

Он замолчал.

Я смотрела на Артема через стекло. На мужчину, с которым утром развелась. На мужчину, которому должна была когда-нибудь сказать самую важную правду.

Не сейчас.

Только не сейчас.

Я взяла телефон и написала:

«Я не выйду. Уезжай».

Ответ пришел почти сразу.

«Нам нужно поговорить».

Я набрала:

«Не сегодня».

Три точки на экране появились, исчезли, снова появились.

Потом пришло:

«Ты плохо выглядела. Я хочу понять, что происходит».

Я закрыла глаза.

Вот оно.

Почти забота.

Почти тот вопрос, которого я ждала.

Только слишком поздно. И все равно через давление.

Я написала:

«Со мной мама, Павел и Лада. Если мне понадобится помощь, я попрошу».

Он не ответил.

Внизу Артем еще несколько секунд стоял у машины. Потом поднял голову.

Я знала, что с такого расстояния он не видит меня за занавеской.

И все равно отступила в сторону.

Через минуту он сел в машину и уехал.

Я медленно выдохнула.

Мама подошла и взяла меня за руку.

— Все хорошо?

Я посмотрела на пустое место во дворе, где только что стояла его машина.

— Нет.

Павел хотел что-то сказать, но я покачала головой.

— Просто пока он не знает, насколько все плохо.

И почти сразу поняла: сказала неправильно.

Не плохо.

Страшно. Сложно. Больно. Но не плохо.

Я положила ладонь на живот.

Там была не катастрофа.

Там был ребенок.

Мой ребенок.

Наш ребенок.

И вечером я должна была впервые услышать от врача, что это правда.

ГЛАВА 3. БЫВШИЕ НЕ ЗВОНЯТ ПО НОЧАМ

В клинике пахло чистотой, антисептиком и дорогим ремонтом.

Я сидела в коридоре на мягком сером диване, держала в руках одноразовый стаканчик с водой и старалась не смотреть на женщин вокруг. Не потому что они мне мешали. Просто почти каждая была не одна.

Рядом с молодой девушкой сидел мужчина в толстовке и держал ее за руку. Чуть дальше женщина лет сорока смеялась над чем-то в телефоне, а ее муж пытался разобраться с бахилами. У стойки регистрации беременная с заметным животом говорила с врачом, а мужчина рядом с ней осторожно придерживал ее за спину, будто боялся, что она рассыплется.

Обычные люди.

Обычные пары.

Обычные будущие родители.

Я отвернулась к окну.

За стеклом уже темнело. Дождь почти закончился, на асфальте блестели лужи, машины медленно тянулись вдоль тротуара. У клиники была отдельная парковка, охрана на входе, светлые стены, вежливые администраторы. Все спокойно. Все удобно.

И все равно мне хотелось встать и уйти.

Лада сидела справа от меня. Павел — слева. Они оба делали вид, что не следят за каждым моим движением.

Получалось плохо.

— Если вы сейчас начнете разговаривать между собой глазами, я уйду в туалет и запрусь там, — сказала я.

Лада сразу отвела взгляд.

— Я просто смотрела на картину.

— Там нет картины.

— Значит, я смотрела в будущее.

Павел хмыкнул.

— А я просто врач. У меня профессиональная деформация.

— Паша, ты травматолог.

— Тревожиться за беременную сестру можно без узкой специализации.

Слово «беременную» прозвучало тихо, но все равно ударило прямо в грудь.

Я еще не привыкла.

К тестам — да. К маминому лицу, когда она обняла меня и заплакала почти беззвучно, — почти. К тому, как Павел молча заварил мне чай и не стал читать лекцию, — тоже.

Но к этому слову — нет.

Беременная.

Я.

После развода.

От Артема.

Телефон лежал в сумке, но я чувствовала его так, будто он был горячим. Артем больше не писал после того, как уехал от маминого дома. И это, вместо облегчения, почему-то держало меня в напряжении.

Когда Артем молчал, это редко означало, что он отступил.

Чаще он просто переставал предупреждать.

— Вера Соколова? — позвала медсестра.

Я подняла голову.

Соколова.

Девичья фамилия. Лада записала меня именно так, не спрашивая. Наверное, правильно сделала. В этой клинике никто не должен был слышать фамилию Орлова и сразу начинать улыбаться шире, чем нужно.

Я встала.

Колени оказались слабыми.

Павел тоже поднялся.

— Я рядом, если что.

— Я знаю.

Лада сжала мою ладонь.

— Дыши. Не геройствуй.

Я кивнула и пошла за медсестрой.

Кабинет был светлый, без лишней роскоши. Врач, Анна Сергеевна, оказалась женщиной лет сорока с усталым, но спокойным лицом. Она не улыбалась чрезмерно, не говорила ласковым голосом, от которого мне захотелось бы сбежать, и не задавала лишних вопросов.

— Вера Андреевна? — уточнила она.

Я кивнула.

— Присаживайтесь. Расскажите, что у нас.

Я рассказала. Коротко. Задержка, тошнота, три положительных теста, стресс. Про развод не сказала. Про Артема — тоже.

Анна Сергеевна слушала внимательно, делала пометки, задавала обычные медицинские вопросы. Даты, самочувствие, хронические заболевания, лекарства, боли, выделения. Все было просто, конкретно, без драмы.

И от этого мне стало чуть спокойнее.

Потом был осмотр. Анализы. УЗИ делать оказалось рано для того, чего я уже успела бояться и ждать одновременно, но врач подтвердила: беременность очень вероятна, срок маленький, нужно сдать кровь на ХГЧ и повторить через пару дней, потом прийти на контроль.

— Сейчас главное — не нервничать, нормально есть, спать и не перегружать себя, — сказала она.

Я почти рассмеялась.

Не нервничать.

Просто мелочь.

Врач подняла глаза от карты.

— Я понимаю, что это звучит банально. Но на раннем сроке стресс действительно лучше снижать по возможности.

— По возможности, — повторила я.

Она посмотрела внимательнее.

— Ситуация сложная?

Я сжала пальцы на коленях.

— Да.

Анна Сергеевна не стала расспрашивать.

— Тогда начнем с малого. Сегодня вы едите что-то легкое, пьете воду, ложитесь спать. Завтра сдаете кровь. Если появятся боли или кровянистые выделения — сразу звоните или приезжайте. Но по тому, что вы описали, сейчас нет повода для паники.

Нет повода для паники.

Я уцепилась за эту фразу, как за поручень в автобусе.

Когда я вышла в коридор, Лада вскочила первой.

— Ну?

Павел смотрел молча, но по лицу было видно, что он уже готов услышать любой вариант и начать действовать.

Я выдохнула.

— Беременность подтверждается. Срок маленький. Нужно сдать кровь и прийти еще раз.

Лада закрыла рот ладонью.

Павел отвернулся к окну и потер переносицу.

— Все нормально? — спросил он.

— Пока да. Сказали не нервничать.

Лада горько усмехнулась.

— Прекрасно. Сейчас найдем место, где продают не нервничать килограммами.

Павел взял у меня направление, быстро просмотрел.

— Хорошо. Завтра с утра кровь. Я отвезу.

— Не надо.

— Вера.

— Паша, я могу сама.

— Я не сомневаюсь. Но завтра я выходной после ночной смены, и мне все равно надо будет чем-то занять свою тревожность.

Лада подняла руку.

— Поддерживаю. Пусть возит. У него лицо полезное для отпугивания бывших мужей.

— Лада, — сказала я устало.

— Что? Я сегодня за практичность.

Мы вышли из клиники вместе. На улице было влажно и прохладно. Я остановилась у входа, вдохнула воздух и впервые за день почувствовала не только страх.

Где-то внутри, совсем глубоко, появилась осторожная, почти стыдная нежность.

Я еще ничего не знала. Не слышала сердцебиения, не видела на экране крошечную точку, не держала в руках снимок. Но врач сказала «беременность». Не «ошибка». Не «стресс». Не «показалось».

Беременность.

Мой ребенок.

Я положила ладонь на живот, но тут же убрала, заметив взгляд Павла.

— Не смотри так.

— Как?

— Как будто сейчас завернешь меня в плед и понесешь домой.

— Думаешь, я не могу?

— Думаю, ты попробуешь, если Лада даст команду.

— Я дам, — сказала Лада. — Но сначала накормим ее.

Мы поехали к маме. Я почти не говорила в машине. Лада рассказывала какую-то нелепую историю про клиентку, которая потребовала букет «цвета дорогого расставания», Павел ворчал, что люди должны научиться говорить нормальными словами, а я смотрела в окно и думала о том, что Артем до сих пор не знает.

Телефон завибрировал, когда мы были уже почти у дома.

Я вздрогнула так резко, что Лада сразу замолчала.

На экране было имя Артема.

Звонок.

Павел посмотрел на телефон.

— Не обязана отвечать.

Я знала.

И все равно ответила.

— Да.

В трубке пару секунд было тихо. Потом его голос:

— Ты была в клинике.

Я закрыла глаза.

Лада резко повернула голову ко мне. Павел выпрямился.

— Что? — спросила я.

— Ты была в клинике, — повторил Артем. — Зачем?

Внутри сразу стало холодно.

— Ты следил за мной?

— Сергей видел, куда вы поехали.

— Сергей не должен был ехать за нами.

— Я попросил убедиться, что с тобой все в порядке.

— Это называется следить.

— Это называется беспокоиться.

Я горько усмехнулась.

— Удобное слово.

Пауза.

— Что с тобой?

Слова были правильные. Наконец-то. Но прозвучали они не как просьба, а как требование предоставить отчет.

Я посмотрела на свои пальцы. Они побелели от того, как крепко я держала телефон.

— Ничего, что касается тебя.

— Вера.

— Мы сегодня развелись, Артем.

— Документы еще не завершены.

Я почти рассмеялась.

— Конечно. В твоем мире даже бывшая жена остается бывшей только после регистрации всех процедур.

— Не искажай.

— А ты не распоряжайся мной через водителей.

— Если тебе плохо, я имею право знать.

Вот она. Грань.

Я почувствовала, как ребенок, о котором он не знал, будто сделал эту фразу тяжелее в десять раз.

Имею право знать.

Да. Имеет.

Но не так.

Не через Сергея. Не через адреса. Не через контроль.

— Нет, — сказала я тихо. — Больше нет.

— Где ты сейчас?

Павел протянул руку, явно предлагая забрать телефон. Я покачала головой.

— С семьей.

— Я приеду.

— Нет.

— Нам нужно поговорить.

— Ты уже говорил это сегодня. Я ответила.

— И ты считаешь, что можешь просто исчезнуть?

Я замерла.

Лада тихо прошептала:

— Вера, отключай.

Но я вдруг устала. Не испугалась, не растерялась — именно устала. От его тона. От уверенности, что моя жизнь все еще где-то в его расписании.

— Артем, я не исчезла. Я ушла. Это разные вещи.

Он молчал.

Я продолжила, пока хватало сил:

— И если ты правда хочешь понять, что со мной происходит, начни с простого. Не приезжай без приглашения. Не присылай за мной людей. Не требуй отчета. Тогда, возможно, когда-нибудь я смогу с тобой разговаривать спокойно.

— Когда-нибудь?

— Да.

— У тебя кто-то есть?

Вопрос был таким неожиданным, что я сначала не поняла.

— Что?

— Соколов рядом. Лада. И тот мужчина у кафе вчера.

Я нахмурилась.

— Какой мужчина?

— Темный плащ. Высокий. Он держал тебя за руку у входа.

Илья.

Вчера днем, когда мне стало дурно после встречи с поставщиком по проекту, Илья действительно придержал меня за локоть у кафе. Я даже забыла об этом.

Артем — нет.

— Ты видел? — спросила я.

— Да.

— И решил, что имеешь право спрашивать?

— Я спросил.

— Поздно.

— Что значит поздно?

— То и значит. Тебе было неинтересно, с кем я живу в браке. Теперь тебя не должно интересовать, с кем я стою у кафе после развода.

Молчание стало тяжелым.

Когда Артем заговорил, голос был ниже.

— Ты быстро учишься жить без меня.

Я закрыла глаза. Эта фраза попала больно, хотя не должна была.

Потому что я не училась быстро.

Я училась три года.

Каждым ужином в одиночестве. Каждой ночью, когда просыпалась от звука его машины и понимала, что ждала, хотя обещала себе не ждать. Каждым приемом, где Кристина улыбалась так, будто знает о моем муже больше, чем я. Каждым утром, когда Артем уходил до того, как я успевала сказать: «Останься».

— Нет, Артем, — сказала я. — Ты сам меня научил.

Я отключила звонок.

В машине стало тихо.

Лада смотрела на дорогу, но сжимала руль так, будто это была чья-то шея. Павел молчал. И это молчание было страшнее его обычных резких комментариев.

— Не говорите ничего, — попросила я.

— Я и не собиралась, — сказала Лада. — У меня все слова нецензурные.

Павел выдохнул.

— Он не должен знать о беременности через слезку.

— Я знаю.

— Я серьезно, Вера. Если скажешь — то сама. В безопасной обстановке. Лучше не одна.

— Я знаю, Паш.

Он посмотрел на меня.

— Ты все еще его защищаешь.

— Нет.

— Да.

Я отвернулась к окну.

Может быть, защищала.

А может, просто не хотела, чтобы отец моего ребенка стал врагом раньше, чем узнает о ребенке.

Дома мама встретила нас ужином, который я почти не смогла есть. Она не давила. Просто поставила рядом с моей тарелкой сухари, яблоко и чай.

Павел ушел на кухню разговаривать по телефону. Лада помогала маме убирать посуду, хотя обе то и дело поглядывали на меня. Я сидела в комнате и чувствовала себя человеком, который внезапно стал центром семейного штаба.

Мне было тепло от их заботы.

И тесно от нее же.

Я любила их. Но мне нужно было не только прятаться. Нужно было жить.

На следующий день я проснулась рано, еще до будильника.

Тошнота была слабее, но тревога проснулась раньше меня. Я лежала в своей старой комнате и смотрела на потолок. За стеной мама тихо ходила по кухне. В коридоре скрипнула половица — Павел, наверное, уже проснулся, хотя обещал отсыпаться после смены.

Я взяла телефон.

От Артема не было новых сообщений.

Зато было сообщение от Ильи Романова.

«Вера, доброе утро. Извини, что пишу рано. По проекту на Петровке заказчики хотят встречу сегодня или завтра. Если тебе сейчас не до работы, я все понимаю. Но они видели твои эскизы и хотят именно тебя».

Я перечитала сообщение несколько раз.

Проект на Петровке.

Небольшая квартира в старом доме, сложная планировка, высокие потолки, заказчица с характером и нормальным вкусом. До брака я бы вцепилась в такую работу обеими руками. После брака почти забыла, что могу быть не только женой Орлова.

Когда мы только поженились, я еще пыталась брать заказы. Артем не запрещал прямо. Он вообще редко запрещал прямо. Он просто говорил:

«Тебе не нужно бегать по объектам».

«Если хочешь заниматься интерьерными, можешь оформить наш дом».

«Я не хочу, чтобы моя жена зависела от чужих клиентов».

Звучало почти заботливо.

А потом я однажды поняла, что уже полгода не открывала рабочую папку.

Я села на кровати и написала Илье:

«Доброе утро. Я готова встретиться сегодня после обеда. Пришли время и адрес».

Ответ пришел быстро.

«Отлично. Рад, что ты не передумала. В 15:00 удобно? Я заеду за тобой или встретимся там?»

Я улыбнулась впервые за утро.

Не потому что Илья предложил заехать. А потому что спросил.

Просто спросил.

«Встретимся там», — ответила я.

Потом добавила: «Спасибо».

Он прислал: «Тогда до встречи. И Вера, без давления. Если станет тяжело, перенесем».

Я долго смотрела на это «без давления».

Какие простые слова.

И как редко я слышала их в браке.

После анализов, на которые Павел все-таки отвез меня, я вернулась домой, переоделась в темные брюки, мягкий светлый свитер и удобное пальто. Мама несколько раз предложила мне остаться, но я сказала честно:

— Мне нужно работать. Иначе я сойду с ума.

Она посмотрела на меня и кивнула.

— Тогда работай.

Павел, конечно, был против.

— Ты вчера узнала о беременности, сегодня сдаешь кровь и уже едешь на встречу?

— Я не больная.

— Я не говорил, что больная.

— Но смотришь именно так.

— Я смотрю как брат.

— Паш, мне нужно вернуть себе хоть что-то нормальное.

Он замолчал.

Потом достал ключи.

— Отвезу.

— Нет.

— Вера.

— Я поеду на такси.

— После вчерашнего?

— Именно после вчерашнего. Я не хочу менять Артема на тебя в роли человека, который решает, куда мне можно.

Эта фраза задела его. Я увидела.

Павел убрал ключи.

— Ладно.

Я подошла и обняла его.

— Я знаю, что ты переживаешь.

— Не просто переживаю. Я в бешенстве.

— Не надо быть в бешенстве рядом со мной. Мне от этого тревожнее.

Он кивнул, но не сразу.

— Хорошо. Пиши, когда доедешь.

— Напишу.

— И когда закончишь.

— Паш.

— Это не контроль. Это просьба.

Я посмотрела на него и улыбнулась.

— Тогда напишу.

Встреча на Петровке оказалась почти спасением.

Старый дом с лепниной в подъезде, скрипучий лифт, квартира с голыми стенами и огромными окнами во двор. Заказчица, Марина Львовна, говорила быстро, но по делу. Она хотела сохранить воздух, свет, старый паркет, но сделать пространство современным и удобным.

Я стояла посреди комнаты с рулеткой в руке, слушала, задавала вопросы, делала пометки — и чувствовала, как возвращаюсь в собственное тело.

Не в тело бывшей жены.

Не в тело испуганной беременной женщины.

В свое.

Илья был рядом, но не лез. Подсказывал по техническим деталям, показывал чертежи, иногда бросал на меня короткие взгляды, будто проверял, не устала ли я.

После встречи заказчица ушла первой, а мы с Ильей задержались у подъезда.

— Ты хорошо держалась, — сказал он.

— Звучит так, будто я сдавала экзамен.

— Почти. Марина Львовна ест дизайнеров на завтрак.

— Тогда я чудом выжила.

Он улыбнулся.

Илья был из тех мужчин, рядом с которыми не приходилось угадывать настроение. Темные волосы, спокойные глаза, чуть усталая улыбка. Не блестящий, не давящий, не привыкший занимать всю комнату собой. С ним было просто.

И именно эта простота сейчас казалась роскошью.

— Вера, — сказал он уже серьезнее. — Я не знаю, что у тебя происходит. И не буду спрашивать. Но если работа нужна, я могу подключить тебя еще к одному проекту. Без аврала. Нормальный заказчик, нормальные сроки.

Я посмотрела на него.

— Ты предлагаешь из жалости?

— Нет. Из эгоизма. Ты хорошо видишь пространство. И с тобой проще разговаривать, чем с половиной людей в нашей сфере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.